

УДК 316.334.3(415)
ББК 60.561.3(051)
С 81

О.А. Стойко,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +7(861)2585146, e-mail: Stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru

ЕВРАЗИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается такой социокультурный феномен, как евразийские ценности. Отмечая, что поскольку на сегодняшний день обозначенный феномен позиционируется отечественными учеными-гуманитариями на уровне одного из доминирующих аксиологических принципов современности, автор акцентирует внимание на тех трудностях, которые с неизбежностью требуют координации усилий всего человеческого сообщества. Соглашаясь с тем, что евразийские ценности выступают неотъемлемой составляющей проблемы, в центре которой находятся взаимоотношения личности и социума, автор констатирует следующее. Установка на евразийские ценности не может быть реализована вне снятия противоречия между сущим и должным. При этом в качестве одного из механизмов, способствующих разрешению имеющегося противоречия, выступает образование как опыт становления мыследеятельности (жизнедеятельности) российской молодежи.

Ключевые слова: евразийские ценности, национальность, язык, культура, религия, рефлексия методологического типа.

O.A. Stoiko,

Degree-Seeker Applicant of Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +7(861)2585146, e-mail: Stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru

EUROASIAN VALUES: EXPERIENCE OF INTERPRETATION

Abstract. The paper examines such sociocultural phenomenon as the Euroasian values. Since today the designated phenomenon is positioned by domestic scientists-humanists at the level of one of the dominating axiological principles of the present, the author focuses attention on those difficulties which inevitably require coordination of efforts of the whole human community. Agreeing that the Euroasian values are an essential component of the problem, in the center of which there are relations of the personality and society, the author states the following. The attitude for Euroasian values cannot be realized out of removal of a contradiction between real and due. At the same time the author puts forward an idea that education as experience of formation of thought activity (life-sustaining activity) of the Russian young people can act as one of the mechanisms promoting solution of the available contradiction.

Keywords: Euroasian values, nationality, language, culture, religion, reflection of methodological type.

В одном из фундаментальных исследований теоретических основ евразийского права, увидевшим свет в 2015 году, Р.А. Курбанов считает

необходимым подчеркнуть, что в современной социокультурной ситуации перед Россией стоит задача «развития новой многовекторной политики, нацеленной на формирование в первую очередь евразийских ценностей...» [1; 8-9]. Осознание того, что собой эти евразийские ценности представляют, позволяет другому автору утверждать, что евразийские ценности «обращаются к ценностям нормативной этики, в центре которой выделяются диалектика добра и зла, а также базовые категории: свободы и ответственности, справедливости и долга, чести и достоинства человека и др.» [2]. Другими словами, евразийские ценности, по сути, коррелируют с общечеловеческими ценностями, обладая наднациональным, надгосударственным характером, самым непосредственным образом соприкасаясь с правовой сферой [2].

На первый взгляд, подобный вывод предельно четко расставляет «все точки над *i*», поскольку если что и может объединить столь непохожие друг на друга Европу и Азию, то только такие ценности, которые одинаково близки всем без исключения людям. Однако при более вдумчивом отношении к установке, с каждым днем обретающей статус истины в последней инстанции, возникает ряд проблем, сложность которых позволяет отнести обозначенную Р.А. Курбановым задачу к сложнейшим головоломкам, решаемым человечеством на протяжении всего своего развития.

Дело в том, что правильный ответ находится в плоскости единства сущего и должного, того самого единства, которое реализуется во взаимоотношениях личности и социума и различные сценарии которого оказываются в фокусе научных интересов представителей мировой социогуманитарной науки — от античности до наших дней¹.

¹ Имеются в виду социальная утопия Платона, идея духовного братства

Выделим три наиболее значимых для современной социокультурной ситуации момента:

1) насколько разговор о наднациональном, надгосударственном характере евразийских ценностей корректен в ситуации, когда сам процесс правовой социализации носит исторически обусловленный характер [3]?

2) является ли оправданным соотношение общечеловеческих ценностей и правовой сферы при игнорировании мировоззренческой и поведенческой направленности религии?

3) каким образом формировать искомые ценности, если сегодня, как никогда, границы добра и зла, свободы и ответственности весьма размыты? Иными словами, каков механизм, способствующий преодолению противоречия, с неизбежностью возникающего между сферой сущего и должного?

Остановимся на каждом из обозначенных моментов.

1. Отстаивая мысль о наднациональном, наднациональном характере евразийских ценностей, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что специфическими особенностями процесса правовой социализации выступают этикоориентированные ценности

Сенеки, «Град Божий» и «Град земной» Августина, новая гуманистическая этика эпохи Возрождения с ее служением общественному долгу, *status naturalis* и *status civilis* Т. Гоббса, концепции, ориентированные как на индивида и его личные интересы (К.А. Гельвеций), так и на общую волю (Ж.-Ж. Руссо), категорический императив И. Канта, гегелевский Дух, который находит свою реализацию в семье, гражданском обществе и государстве, сверхчеловек Ф. Ницше, труды К. Маркса, работы представителей неокантианской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), философия жизни Г. Зиммеля, понимающая социология М. Вебера, ключевое рассогласование между общечеловеческим Я и Я социализированным И. Гофмана и т.п.

национальной культуры¹, которая, в свою очередь, вбирает в себя религиозные ценности [4]. Неслучайно поэтому, отмечая комплексный характер идеи евразийства, С.Г. Агаджанов считает принципиальным в рамках изучения особенностей функционирования образующих евразийское пространство контактных зон учитывать одновременно как естественно-природные и историко-культурные факторы, так и факторы социально-экономического и политико-административного характера [5].

То обстоятельство, что естественно-природные и историко-культурные факторы обретают первостепенное значение по отношению к социально-экономическим и политико-административным, видится весьма примечательным. Речь идет о том, что собственно культура являет собой не что иное, как «...скрытые и выраженные схемы мышления и поведения, воплощенные в символах, при помощи которых они воспринимаются и передаются от человека к человеку» [6; 74]. Поскольку ядром любой культуры выступают запечатленные в памятниках культуры и передающиеся от поколения к поколению ценности, понятно, что определяющие культуру схемы мышления и поведения в итоге становятся «специфическим, обособляющим достижением человеческих общностей» [6]. При этом непреходящая ценность таких культурных систем

обусловлена тем, что, с одной стороны, они предстают на уровне «результата совершенных действий, с другой стороны, в качестве одного из оснований для будущих свершений» [6; 77].

В данном контексте особую актуальность приобретают труды В. фон Гумбольдта, в которых научно обосновывается положение о том, что дух народа актуализируется исключительно в его языке. Аргументацией представленной позиции могут послужить данные, полученные А.М. Бендриковским в ходе сравнительного анализа состояния психического здоровья у славянской и финно-угорской этнических групп, проживающих на территории Республики Коми. В частности, психические расстройства среди представителей финно-угорского этноса превышали аналогичные показатели у славянского населения. Причем наиболее значимым социокультурным фактором, обусловившим психическую патологию, ученый называет «недостаточное владение родным языком с соответствующим изменением осознания своей национальной принадлежности и общим снижением адаптационных возможностей» [7; 27].

В числе других социокультурных факторов, оказавших непосредственное влияние на состояние психической жизни представителей финно-угорской этнической группы, ученый называет семейные отношения. То обстоятельство, что патологический характер воспитания был выявлен у 62% удмуртов, 10% из которых испытывали дискомфорт от осознания своей национальной неполноценности [7]², вступает в

¹ Достаточно вспомнить, что в противоположность западным ценностям, которые отмечены индивидуализмом, конкуренцией, эмоциональной холодностью, способностью к самодисциплине, практицизмом [13], так называемые азиатские ценности составляют коллективизм, поощрение бескорыстия, преобладание традиций, жесткая сословная иерархия, предпочтение гражданским правам социально-экономического благополучия, уважение к любым формам власти, включая родителей, учителей и т.п.

² Примечательно, что представители славянского этноса подобный дискомфорт не испытывали. В данном контексте представляет интерес социологическое исследование, проведенное в одном из российских вузов М.А. Гусаровой. Осуществляя подсчет ответов на вопрос, имеет ли для студентов значение их собственная

диссонанс с данными социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в октябре 2007 года. В частности, согласно мнению 67% опрошенных, молодое поколение россиян с необходимостью должно приобщаться к морально-нравственным ценностям своего народа в первую очередь в семье [8].

Тот факт, что, вопреки установке о наличии взаимозависимости у россиян религиозности и моральности, опознаваемой посредством «ориентации на абсолютные, идеальные ценности» [9; 15], лишь 4% наших сограждан выделили церковь в качестве способствующего овладению ценностями отечественной культуры института [8], делает необходимым заострить внимание на втором из обозначенных нами моментов.

2. В осмыслении ситуации, обусловленной разностью религиозного опыта, нельзя не признать, что принципиальное несовпадение христианства и ислама заключается в следующем. Если в странах, исповедующих христианство, разработка норм светского права осуществлялась в стороне от религии («Богу – Богово, а кесарю – кесарево»), то в странах ислама подобный опыт складывался противоположным образом [10]. Однако подобное положение дел имело место на фоне имеющихся точек соприкосновения, обнаруживающих себя в таких религиях, как:

– индуизм, буддизм и конфуцианство;

национальность, отечественный социолог выявила следующую закономерность: с возрастом значение собственной национальности для молодого поколения россиян возрастает. Так, на первом курсе количество тех, кто дал отрицательный ответ, составило 36%, на последнем курсе – 13%. Аналогичным образом снижается и процент тех россиян, кому не приходилось задумываться о собственной национальности, с 15% на первом курсе до 2% на третьем курсе, с нулевым показателем на выходе из вуза [10; 22-25].

– зороастризм, христианство и ислам;

– иудаизм, христианство и ислам;

– зороастризм и иудаизм;

– христианство и буддизм [11].

Не менее важным видится тот факт, что достижение идеала в рамках определенной религиозной конфессии связывается с конкретным религиозным опытом. В качестве такового выступают:

– знания об окружающей действительности, конкретные поступки и религиозная любовь (индуизм);

– сотрудничество с Богом в совместной борьбе со злом (ислам);

– погружение в глубины собственного Я, что выступает залогом покоя и способствует просветлению духа (буддизм);

– непрерывная работа над самим собой, становление личности посредством образования и постижения высокой духовной культуры (конфуцианство);

– знания, выступающие не только в качестве точки отсчета всех культурных стремлений, но и обеспечивающие духовное единство, а также чувство удовлетворения и, в конечном счете, святость (иудаизм);

– любовь (христианство) [11].

Специально подчеркнем: несмотря на очевидную близость того религиозного опыта, который обеспечивает путь духовного восхождения верующего, в каждой религии складывается свод особенных религиозных практик, самым непосредственным образом влияющих на качество такого пути. В то же время, отталкиваясь от данных социологического исследования, проведенного в рамках предмета «Музыка» в общеобразовательных школах Республики Адыгея [12], нельзя не признать, что даже те из учащихся, которые позиционируют себя в качестве верующих, весьма поверхностно знакомы с произведениями, которые звучат в храме во

время богослужения согласно религиозным канонам¹.

Причем формализация религиозных практик, равно как и девальвация языка, вызванная забвением его внутренней формы, коррелирующей с эмоционально-чувственными элементами концептуальной системы языкового носителя, делают значимым третий момент, связанный с поиском механизма, обеспечивающего преодоление противоречия между сущим и должным. Речь идет о системе образования, на которую уповают 17% россиян, связывая процесс приобщения к морально-нравственным ценностям именно с отечественной школой [8].

3. Представляется, что наиболее благоприятная среда, в пространстве которой создаются условия, обеспечивающие преодоление зазора между сущностью и существованием, складывается в процессе обучения рефлексии методологического типа. Принимая во внимание этимологию лексемы рефлексия (от лат. «взгляд назад»), становится очевидным, что речь идет не только о рациональном сознании, отвечающим за интеллектуальный уровень субъекта обучения, но и о сознании иррациональном, которое напрямую связано с невербальными элементами концептуальной

системы субъекта речи. Важность актуализации последних обусловлена доминирующим положением, которое занимает сегодня интеллект в личностном становлении молодого поколения россиян. Подобное положение дел связывают с теорией спектакулярности (Ж. Бодрийяр, Г. Дебор), неотъемлемой составляющей которой выступают симулякры, призванные создавать видимость подлинности, а потому исключают какую бы то ни было ответственность со стороны вовлеченных в общество спектакля граждан.

Речь идет о формировании особой культуры мышления молодого поколения россиян, которая определяется искомым единством рационального и иррационального, вербального и невербального, внешнего и внутреннего как залога целостности человеческой личности. Однако в силу наметившейся за последнее время тенденции к расслоению общества на так называемую интеллектуальную элиту и усредненное большинство нельзя не признать верность следующего положения. Со временем отмеченное противоречие будет лишь усугубляться, что повлечет за собой ужесточение мер социального принуждения и, как следствие, неизбежное ограничение тех общечеловеческих ценностей, о которых упоминает цитируемая нами выше К. Карабаева. В итоге обладание общечеловеческими ценностями окажется прерогативой того меньшинства, которое будет координировать жизнедеятельность всего остального большинства.

В качестве аргументации представленной позиции обратимся к исследованию Е.А. Зориной [13]. В центре научного интереса ученого – проблема личной ответственности социального субъекта, решаемая в контексте работ итальянских философов XX века. В частности, в своей работе Е.А. Зорина приводит пример, которым

¹ Как пишет автор, «по национальному составу в каждом шестом классе было по 45-50% детей русской и адыгейской национальности, остальные 5% составляли дети армянской национальности. Из них церковь посещали 15% учащихся, включая некоторых детей армянской национальности, мечеть посещали 12% мальчиков-адыгов» [12; 748]. Однако ни те, ни другие учащиеся «не смогли назвать конкретных молитв или мусульманских песнопений». При этом выяснилось, что не всем школьникам из тех, кто назвал себя верующим, «близко содержание духовной музыки, что ставит под сомнение их способность воспринимать духовную музыку» [12].

иллюстрирует свою позицию А. Ведалди. В ситуации военных действий командир получает приказ оставаться на занимаемой позиции, чего бы это ни стоило. Однако враг атакует столь решительно, что солдаты обречены. Поскольку связь с главнокомандующим нарушена, невозможно скорректировать ситуацию, вследствие чего командир оказывается поставленным перед выбором: выполнить приказ, обрекая своих подчиненных на смерть, которая может быть бессмысленной, или увести людей, тем самым нарушив приказ. С одной стороны, выбор в пользу сохранения жизни может привести к тому, что отряд в итоге займет «более выгодную позицию», нанеся противнику урон. Однако с другой стороны, нарушение приказа может отрицательно сказаться на состоянии других подразделений, а также общей стратегии.

Связывая решение командира с его глубинной интуицией, А. Ведалди считает необходимым поставить вопрос о том, насколько велика ответственность командира, если его действия осуществляются «при безмолвии разума». Понятно, что в ситуации военного времени посвящать каждого командира в нюансы, от которых напрямую зависит тактика и стратегия ведения боевых действий, недопустимо. Речь идет о возможной утечке информации. Однако даже в мирное время подобные дилеммы с неизбежностью возникают тогда, когда меньшинство владеет информацией, в принципе недоступной большинству, что отвечает положению дел в современной социокультурной ситуации. Выход может быть один. Предельно честно и прямо обозначить границы, нарушение которых приведет к гибели всего человечества. При чем данная информация должна

обрести статус ключевой по отношению к любым другим типам информации.

Только в этом случае перед лицом общей угрозы каждый отдельный человек, от воли которого напрямую зависит результативность совместных усилий, предпринимаемых с целью сохранить человечество, окажется способен на героические усилия, связанные с восхождением от зверя к человеку, от природного (материального) начала к началу надприродному (духовному), от индивидуализма к соборности. При этом столь же отчетливо и прямо должно осознавать, что выход на искомые евразийские ценности потребует от каждого готовности отказаться от незыблемости своих культурных предпочтений ради сохранения своей уникальности и неповторимости в составе новой целостности. Здесь, как уже было замечено ранее, непреходящая ценность той или иной культуры заключается в том, что она предстает одновременно и как «результат совершенных действий», и как условие «будущих свершений» [6; 77].

Подытоживая все вышеизложенное, заметим следующее. Формирование евразийских ценностей как доминанты правовой культуры молодого поколения россиян в условиях глобализации и интеграции будет успешным лишь в одном случае. Необходимо, чтобы характерные для той или иной культуры ценности повсеместно закреплялись на уровне светского и религиозного образования с целью создания благоприятных условий для становления личности, вобравшей в себя лучшие черты своего народа и обладающей высокой культурой мышления. Именно последняя выступает гарантом выхода на общечеловеческие ценности, обретающие статус надрелигиозных и наднациональных.

Примечания:

1. Курбанов Р.А. Евразийское право. Теоретические основы: монография. М.: Юнити-Дана, 2015.
2. Карабаева К. Евразийские ценности в аспекте права и морали. URL: <http://xn--80adbjmggh5bmol.xn--p1ai/public/klub-evraziskij-vektor/item/108-evrazijskie-tsen-nosti-v-aspekte-prava-i-morali.html> (дата обращения: 02.05.2017).
3. Гусарова М.А. Проблема российской правовой ментальности и российского правосознания: философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (77). С. 54-57.
4. Гусарова М.А. Проблема правосознания как социокультурного феномена // Там же. 2017. № 9 (83). С. 73-75.
5. Агаджанов С.Г. Основные проблемы и задачи изучения контактных зон Восточной Европы // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М.: ИРИ, 1995. С. 7-22.
6. Kroeber A., Kluckhohn K. Culture A Critical Review of Concepts and Definition. Cambridge, 1952.
7. Бендриковский А.М. Этнокультурные и клиничко-социальные особенности больных пограничными психическими расстройствами в республике Коми: дис. ... канд. мед. наук. М., 2001.
8. Религия в нашей жизни. Пресс-выпуск № 789. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=8954 (дата обращения: 09.10.2017).
9. Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 14-15.
10. Гусарова М.А. Проблема формирования этнокультурной толерантности в вузе (опыт социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. С. 22-25.
11. Грановская Р.М. Психология веры. СПб: Питер, 2010. URL: eknigi.org/psihologija/114987...very.html (дата обращения: 12.06.2017).
12. Лозовская Р.И. Реализация воспитательного потенциала духовной музыки в общеобразовательных организациях Адыгеи // Богослужebные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе. Майкоп: Магарин О.Г., 2016. С. 740-759.
13. Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм: Эксмо, 2007.

References:

1. Kurbanov R.A. Eurasian law. Theoretical foundations: a monograph / R.A. Kurbanov: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – M.: Unity-Dana, 2015.
2. Karabaeva K. Eurasian values in the aspect of law and morality. [Electronic resource]. URL: <http://xn--80adbjmggh5bmol.xn--p1ai/public/klub-evraziskij-vektor/item/108-evrazijskie-tsen-nosti-v-aspekte-prava-i-morali.html> (Date of access 02.05.2017)
3. Gusarova M.A. The problem of the Russian legal mentality and Russian legal consciousness: philosophical analysis // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art Studies. Problems of the theory and practice. 2017. No. 3-1 (77). P. 54-57.
4. Gusarova M.A. The Problem of legal consciousness as a socio-cultural phenomenon // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art Studies. Problems of the theory and practice. 2017. No. 9 (83). P. 73-75.
5. Agadzhanov S.G. Main problems and tasks of the study of contact zones of Eastern Europe // Contact zones in the history of Eastern Europe: crossroads of political and cultural mutual influences. M.: IRI, 1995. P. 7-22.

6. Kroeber A., Kluckhohn K. Culture A Critical Pevien of Concepts and Definition. Cambridge, 1952.

7. Bendrikovsky A.M. Ethnocultural and clinical-social characteristics of the patients with borderline mental disorders in the Republic of Komi: Diss. for thee Cand. of Medicine degree. M., 2001.

8. Religion in our life // Press Release No. 789. [Electronic resource]. URL: wciom.ru> index.php? Id = 236 & uid = 8954 (Date of access 09.10.2017)

9. Guseinov A.I. The problem of values in law // Law and Politics. 2007. No. 7. P. 14-15.

10. Gusarova M.A. The problem of the formation of ethno-cultural tolerance in the university (the experience of sociological research) // Theory and practice of social development. 2017. No. 1. P. 22-25.

11. Granovskaya R.M. Psychology of faith. – SPb.: Piter, 2010. [Electronic resource]. URL: eknigi.org> psihologija / 114987 ... very.html (Date of access 12.06.2017)

12. Lozovskaya R.I. Realization of the educational potential of sacred music in the general educational organizations of Adygheya // Liturgical practices and cult arts in the polyethnic region / S.I. Khvatova. Maikop: Magarin O.G. publishing house, 2016. P. 740-759.

13. Zinovyev A.A. The West. M.: Algorithm, Eksmo. 2007.